

В.В. Лёвин

ВЛАСИЙ

Вадим Васильевич Лёвин

Власий

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63042877

Власий: ИТРК; Москва; 2017

ISBN 978-5-8810-423-9

Аннотация

Книга, которую вы держите в руках, это не просто автобиографическая повесть. Это рассказ об обычных людях, которые, порой, не зная молитв, преодолевая себя, ищут свой путь к Богу. «Пути Господни неисповедимы», и путь этот у каждого человека свой. Кто-то идет прямо, кто-то пытается проскользнуть с черного входа, а кому-то нужен проводник и помощник старец-провидец. Одни приходят в Боровский монастырь к отцу Власию, чтобы избавиться от неизлечимых недугов, другие – получить житейский совет для разрешения важных мирских дел. Каждому страждущему старец Власий дает свой не всегда простой и понятный ответ.

Эта книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Часть I. Цугцванг. Кризис мужчины среднего возраста	6
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вадим Васильевич Лёвин

Власий

© Лёвин В.В., 2017

* * *

Часть I. Цугцванг. Кризис мужчины среднего возраста

Дождь стоял стеной. Такого ливня Москва не знала этим летом. Дворники машины не успевали сбрасывать непрерывный поток воды с лобового стекла. Капли дождя барабанили по капоту и брызгами отскакивали от него на асфальт в разные стороны. Вода в городе прибывала минута к минуте. Полотно шоссе дорожки покрылось водянистой пленкой, перетекавшей непрерывным потоком по асфальту вниз по улице. Колеса рассекали воду, оставляя за собой водяные бороздки размером с бордюрный камень, тут же заполнявшиеся дождевой водой. Машина на медленной скорости проплывала мимо светофоров и вымокших до нитки одиноких прохожих – в сторону Молдавской улицы. Чуть поодаль, метрах в ста – ста пятидесяти по правую руку на обочине шоссе, Петр Петрович разглядел смутный силуэт невысокой женщины, стоявшей под цветастым зонтиком с вытянутой поперек дороги рукой. Он включил поворот и принял вправо, притормозив и сдав ходом, так, чтобы не окатить ее водой с ног до головы. Машина остановилась в полуметре от тротуара. Петр Петрович открыл дверь, наклонился из-за руля к стоявшей под проливным дождем брюнетке. Она была опоясана струйками дождя, стекавшими с краев зонтика ей под

ноги, и была одета этим дождливым днем в безрукавное платье в поперечную красно-белую полоску и коричневые туфельки без каблучков.

– Вам куда?

– На Каширку, – раздалось в ответ.

– А где на Каширке?

– Сразу после онкоцентра направо и там еще с километр.

– Сколько платите?

– Пятьсот.

– Прыгайте скорее в машину, а то под таким дождем до нитки промокнуть успеете и никакой зонтик не поможет.

Женщина не заставила себя долго ждать, она уверенно и проворно шагнула одной ногой на подножку машины, изогнулась всем телом в дугу и одним движением плюхнулась на переднее сиденье автомобиля. Следом она сложила за собой зонтик и поставила его к себе в ноги. Протянулась рукой к ручке и прихлопнула за собой дверь. При этом ни одна капелька дождя проливного не замочила ее одежду. «Не иначе как из цирковых, – подметил про себя до всего и всегда наблюдательный Петр Петрович. – Проворна же баба».

Пассажирка была возраста среднего, на вид лет на тридцать пять. Темненькая, с солнцезащитными очками в правой руке и длинным крючковатым носом, изогнутым горбинкой посередке. «Явно не русской крови». Форма носа выдавала в ней грузинку.

– Как поедем?

– Как знаете.

«Точно грузинка». Акцент, с которым она произнесла эти слова, был свойствен жителям именно этой небольшой горной страны – с говором не поспоришь. Петр Петрович щелкнул в уме навигатором и выбрал оптимальный маршрут передвижения по городу. «Поеду по Аминьевке по прямой до Балаклавки, в конце проспекта сверну на Варшавку налево – сделаю небольшой крюк в сторону центра и выеду на начало Каширки», – решил для себя Петр Петрович. Определившись с маршрутом, он придал машине хода, поддав газку.

Дождь усилился. Теперь он уже лил как из ведра. Город на какое-то время вымер и, затаившись, переждал непогоду. Прохожие прятались от проливного дождя под навесами остановок и под козырьками подъездов домов, прочий люд отсиживался по офисам и по квартирам. Люди, с достатком выше среднего, предпочитали всему прочему уютный столик в придорожном кафе – напротив окна, с видом на проезжую часть. Дождь своей прохладой освежал город от пыли и зноя. От капель дождя, барабанивших по крыше автомобиля, веяло грустью и прохладой. Петр Петрович любил дождь, во всех его проявлениях, в такую погоду ему было хорошо на душе. Он грустил и мечтал в дождь, предаваясь настроению погоды.

Петру Петровичу недавно исполнилось сорок пять лет. Это был высокий и одинокий мужчина, выглядевший много моложе своих лет. Он немного сутулился при ходьбе и имел

небольшой необременительный животик, точно мозоль. Три года назад от него ушла жена, и он жил вместе с дочкой, студенткой, которая была инвалидом детства. Дочка училась на платном отделении в текстильном институте на факультете прикладного искусства. Петру Петровичу нужно было кровь из носа собрать до августа шестьдесят пять тысяч рублей, чтобы оплатить ее обучение в институте за следующий год. До этого дня он уже насобирал около сорока тысяч.

Петр Петрович по сути своей был немного одиноким и замкнутым в себе человеком. Можно сказать, он был симпатичной наружности, но никак не красавец – до красавца он не дотягивал чертами лица и сутуловатой фигурой, узковатой плечами. Но все же женщины нет-нет да и посматривали в его сторону [не более того] – незаметно для себя, но не для него (Петр Петрович был человеком наблюдательной и дотошной натуры). Он старался в жизни все для себя подмечать и ничего не упускать. Волосы его еще не успели покрыться сединой, но пролысина все-таки уже просматривалась. Таксует Петр Петрович последние четыре месяца, каждый день с шести-семи утра и до вечера позднего. Полгода тому назад он разорился. Да так разорился, что еще и остался должен сто пятьдесят тысяч долларов. Этот долг тяготил его. Он не давал ему спокойной жизни, лишал его сна. Петр Петрович жил с этим долгом, он засыпал и просыпался с мыслями о нем. Долг с некоторого времени превратился для него в кандалы.

– Куда спешите? – поинтересовался Петр Петрович у пассажирки.

– К дочке в больницу.

– А что с ней?

– Болеет.

– Чем?

– Да так... – женщина небрежно махнула краем руки в сторону Петра Петровича. – Лучше и не спрашивайте, чего об этом говорить, кому от этого станет легче? Зачем лишний раз душу теревить.

Машина проехала Мичуринский проспект. Дождь поутих, небо просветлело, из-за туч появилось солнышко, а вслед за ним и лучики огненные. Петр Петрович щелкнул переключателем, дворники перестали частить по лобовому стеклу и взяли меньший ход.

Слово за слово и Петр Петрович разговорился с новой для себя пассажиркой. Он и не заметил того, как поведал ей немного о себе и о проблемах со здоровьем своей дочки. Петр Петрович был по своей натуре человеком словоохотливым и умел разговорить своих пассажиров, иногда он этим ловко пользовался с выгодой для себя, разговорил он и эту пассажирку.

– И у меня дочка болеет.

– А что с ней?

– Редкое заболевание, дистрофия Ландузи – Дежерина.

– Извините, не расслышала. Музыка громко играет, вы не

можете убавить звук?

– Пожалуйста, – Петр Петрович подкрутил ручку радиомангнитолы и повторил пассажирке диагноз дочери.

Музыка в салоне грохотала, перебивая своим звучанием человеческую речь [так, что пассажирам иногда приходилось разговаривать с нашим героем чуть ли не во весь голос], – все из-за врожденной тугоухости Петра Петровича. Он плохо слышал, но зато хорошо видел и к тому же сообщал быстрее быстрого.

– Спасибо, теперь расслышала. И как давно болеет?

– С одиннадцати лет. Вначале болезнь не очень бросалась в глаза и не доставляла особых хлопот. А потом мышцы стали постепенно ослабевать, то одна мышца атрофируется, то другая. Теперь еле ходит, у нее осиная талия. Сама высокая – рост метр семьдесят два, а весит тридцать восемь – ее ветром с ног сдувает. Как только задумается о чем-нибудь, так у нее сразу ноги подкашиваются, и она падает на коленки. У нее все коленки сбиты. Во время прогулок ей всегда сосредоточенной надо быть. А зимой ей лучше на улицу и не выходить – и шагу не шагнет без посторонней помощи. Чуть скользко, сразу летит вниз.

– Сколько вашей дочке лет?

– Восемнадцать, на первом курсе учится, вернее, на второй перешла.

– А где учится?

– В текстильном, на дизайнера.

– Вот видите, все-таки учится, а другие инвалиды из дому вообще не выходят.

– Это да, она у меня молодец. Старательная, усидчивая, на отлично учится. Одна проблема: ее приходится каждый день привозить и забирать из института. Но это только с сентября начнется, а пока надо денег подсобрать, чтобы за обучение заплатить. Вот набрал сорок тысяч, осталось двадцать пять – не знаю, успею или нет, всего неделя осталась. – Петр Петрович немного лукавил, в запасе у него был целый месяц, но на это лукавство у него были свои, только ему одному ведомые расчеты и резоны.

– А почему на платном учится? Ведь она инвалид, ей положено бесплатное место.

– Точно положено, а вам откуда это известно?

– Я в этой системе работаю...

– Долгая история. Она на первом вступительном экзамене два балла схлопотала, пришлось договариваться. Исправили ей все-таки двойку на тройку – уговорил председателя приемной комиссии, но с условием... что она будет учиться на платном отделении.

– Хоть так, и то хорошо.

– Конечно, хорошо, и слава Богу. Я не знаю, что с ней было бы, если бы она не училась в институте. А так живет полноценной жизнью. Группа у нее подобралась хорошая – вся из девчонок, кроме трех парней. Девчонки все как на подбор хохотушки, да она и сама человек с юмором, веселая

по жизни – не прочь лишний раз пошутить. Общительная, ее на старосту метили, но куда там с ее-то здоровьем.

– А парень у нее есть?

– Да был один – ухаживал, ухаживал, а как стал замечать за ней проблемы со здоровьем, так и бросил. У него мама врач. Она ему подсказала, что заболевание такого типа генетическое и может по наследству передаваться. Так он как узнал об этом, то сразу и в кусты подался.

– Не расстраивайтесь, может, и к лучшему. Может, с кем в институте познакомится.

– А что, запросто может познакомиться. Она красивая, видная со стороны, только вот когда встанет со стула и пойдет, то ухажеры подостывают, у них всякая охота с ней знакомиться отпадает. А об этом я и не жалею – мужик с воза, кобыле легче идти. Вы представьте себе – родила бы, а он бросил бы ее с ребенком через пару лет. Вот тогда беда бы была. А может, и нет, ребеночек бы то остался.

– А с этим заболеванием рожают?

– Да рожают, врачи так говорят. Только на сохранении девять месяцев полежать придется. А так рожают, я точно знаю, я узнавал об этом.

Петр Петрович включил левый поворот и выехал на Варшавское шоссе. К этому времени дождик чуть моросил – на улице посвежело, на небе ни единой тучки, начинало понемногу припекать. Яркие солнечные лучи, проникавшие в салон автомобиля, в пять минут разогрели его так, что стало

нестерпимо душно от насквозь прогретого и влажного воздуха. Петр Петрович приоткрыл боковое окошечко – вмиг стало легче дышать, в салоне повеяло освежающей прохладой летнего дня после проливного дождя. Через два километра после того, как он свернул с Варшавского шоссе на Каширку, дождь перестал моросить вовсе. Город приходил в себя и оживал после природной стихии. Горожане, словно тараканы, выползали из своих щелей на улицы города. Улицы наполнялись повседневной суетой и беготней, неразберихой и суматохой. На смену дождю приходила полуденная жара. Горожане спешили наверстать упущенное время и довершить начатые было ими дела, прерванные на час с лишним разбушевавшейся водной стихией, едва не переросшей в потоп. На улицах города в эти полтора часа было так темно и дул такой сильный ветер, что Петр Петрович немного даже испугался.

Петр Петрович проехал онкоцентр на Каширке.

– Вот здесь, вот здесь направо. – Шатенка засуетилась, напрыгав – ее рука пришла в движение, и она уже изо всех сил силилась указать Петру Петровичу то место, где ему следовало повернуть направо. Петр Петрович же, словно бывалый-перебывалый таксист, со стажем не меньше чем в четверть века, улыбнулся многозначительно и сказал брюнетке с горбинкой на носу:

– Да знаю я дорогу, не первый год замужем. Мне здесь каждая колдобина знакома и каждый светофор в радость.

– Вы хотели сказать в тягость?

– Ну да, в тягость, на Каширке светофоров понатыкано, словно фонарных столбов, то и дело о красный свет лбом тыкаешься. А так-то я здесь уже бывал не меньше одного-другого десятка раз. Не переживайте. Сейчас повернем направо, вниз еще с километр проедем, и мы на месте. Там, по сути, тупик.

– Да, точно. Приятно иметь дело с бывалыми людьми. Вы, наверное, хорошо Москву знаете? Я-то не очень.

– Да не особо что. Так, основные развязки да с сотню-другую улиц. Москва с новыми властями разрастается как на дрожжах. Я когда в институте учился – еще при Гришине – здесь только эту станцию метро построили. Здесь кругом пустыри были, а теперь Москвой считается – чудно даже как-то.

– А вы где учились?

– Там же, где и дочка, в текстильном.

Через километр Петр Петрович остановил машину:

– Все, приехали.

– Надо же как, мы с вами быстро за разговором доехали. Словно и времени никакого не прошло вовсе. Так, как будто под зонтиком простояла возле остановки, пока дождь не закончился.

– Да, быстро доехали без пробок, нигде подолгу стоять не пришлось. И погода, похоже, налаживается, посмотрите – на небе и облачка нет. Наверное, через час такая жарница, такое

пекло будет, что с ума сойти.

– Пусть уж лучше жара и пекло, чем такой ливень.

Перед тем как выйти из машины, женщина – с первого взгляда похожая на гимнастку из цирковых, протянула Петру Петровичу полторы тысячи рублей вместо оговоренных заранее пятисот. Петр Петрович с удивлением посмотрел ей в лицо.

– Возьмите, возьмите, это не вам, это вашей дочке.

Увидев нерешительность Петра Петровича, женщина положила деньги на «торпедо» и проворно – ровно так же, как и ранее села в нее на Молодогвардейской улице, – выскользнула из машины наружу и хлопнула на прощание дверкой, не дав даже и рта раскрыть изумленному Петру Петровичу. У него сразу же поднялось настроение, и он несколько взбодрился. Эта тысяча рублей не была сегодня лишней для него.

«Да, мир не без добрых людей, – отметил про себя Петр Петрович. – Грузины они такие – душевные и щедрые люди, добрые люди, хотя все же на кого и когда нарвешься».

К этому времени на улице парило всюю от июльской жары. Полуденное солнце с энтузиазмом принялось за свое привычное и рутинное дело – за сушку асфальта от луж. Город к этому часу жил полноценной жизнью. От бывшего дождливого и затаенного настроения не осталось и следа. Солнце и только солнце было у всех на виду. Оно вышло из тени на первые роли и показывало себя всем и вся во всей своей красе, господствуя на земле и на небе. Оно парило нещадно

и прогревало воздух быстро и ловко, напоказ всем. Не щадя при этом никого – ни встречного, ни поперечного. Для яркого солнца не было ни преград, ни расстояний. Ему было все подвластно и все доступно – и под силу, и по плечу.

Каждый укрытый уголок двора, каждый клочок асфальта, скрытый тенью от посторонних глаз, любой прохожий на улице, любое укромное деревце, любая проезжая либо вставшая насмерть пред красным сигналом светофора машина – все было подвластно ВЕЛИКОМУ солнцу. Солнце испепеляло все и вся на своем пути. Оно на эти два-три часа превратилось в мартеновскую печь в триллиард триллиардов гигаватт. Умом обычно никак не понять, как уже через час-другой Москва подсохнет почти полностью и на асфальте не останется ни одной, даже самой мало-мальской и маловажной лужицы. Все произойдет так быстро и стремительно, что остается только позавидовать тому волшебнику, по мановению чьей палочки все это произойдет, на радость всем горожанам и горожанкам, включая сюда подростков и прочий никому не нужный люд.

Петр Петрович пересчитал все заработанные им за сегодня деньги и аккуратно сложил их вместе в небольшую папку, после чего не забыл свернуть ее пополам. Приподнялся немного с сиденья и положил деньги для надежности в задний и никому кроме него самого не доступный карман брюк. Именно с этого момента его настроение улучшилось значительно. Что не замедлило сказаться на выражении его

лица – оно, и без того задумчивое и печальное, стало еще более задумчивым и печальным. Как всегда, в такие минуты – минуты своего удовольствия, он подсчитывал барыши и прикидывал в уме упущенные возможности: «А что, если так, а что, если этак». Он подолгу все прикидывал и вертел в голове разное и по-всякому, но выходило все одно и то же – на сегодня он неплохо разжился «бабками».

Человеку, знавшему Петра Петровича с юных лет, сразу стало бы ясно при взгляде на него: да, видно хорошо он за сегодня поднялся по деньгам. Но может сказаться так, что вся причина была не только в деньгах, им честно заработанных за день, но и в проливном дожде – отчасти даже в большей мере. Но об этой причине – о дожде, знал и догадывался только он сам. Человек в никуда и человек ниоткуда, по прошествии прожитых им лет. Человек, прожегший и сжегший свою жизнь вместе с годами, им прожитыми.

«На сегодня, пожалуй, достаточно, хватит, наверное, уже бомбить – всех денег не заработаешь. Пора выдвигаться домой – поеду в сторону Кунцево. Если цепану кого по дороге, то и хорошо будет, нет так нет – поеду домой», – решил для себя Петр Петрович.

Петр Петрович включил левый поворот, посмотрел в зеркало бокового вида и тронул машину с места, отпуская понемногу педаль сцепления и одновременно с этим нажимая аккуратно на педаль акселератора. Но не отъехав и двадцати метров, он заметил впереди себя [и этого никак нельзя было

не заметить], прямо перед лобовым стеклом машины стоящих в обнимку посреди дороги во втором ее ряду двух простодушных мужчин одинакового и небольшого росточка [не выше ста шестидесяти сантиметров]. Каждый мужик держал в свободной руке по бутылке водки. Сразу бросалось в глаза, что они были пьяны в хлам, и к тому же были очень и очень похожи друг на друга – и это несмотря на довольно приличную разницу по возрасту. Одному по виду под шестьдесят, а другому – лет тридцать. Скорее всего, отец за сына держится или сын за отца, чтобы не упасть и сохранить равновесие. Петр Петрович мгновенно оценил ситуацию. Дал срочно по тормозам и высунул из-за бокового стекла голову, сияющую доброжелательной улыбкой свойского пацана:

– Куда едете, отцы?! – бодрым и задорным голосом (проникся к сладкой парочке) спросил Петр Петрович.

– В Братеево, командир.

Ответил, чуть запинаясь и спотыкаясь о буквы и слова, младший из двоих.

– Сколько платите?

– Триста.

– Триста? Мне не послышалось? Вы что, ребята, с ума сошли? Да у меня бензин дороже выйдет, поеду за пятьсот.

– Нет, за пятьсот не поедем, тут ехать-то от силы десять минут.

«Блин, пьяные, пьяные, а соображают хорошо, считать умеют – кашу варят в голове». Плутоватый Петр Петрович

не сдавался:

– Чего вы торгуетесь, кто вас в таком виде в машину посадит, кроме меня? Где вы второго такого дурака найдете, днем с огнем не сыщете, будете искать. Если я уеду, так и простои́те целый день на дороге, пока вас не примут.

– Да кто нас примет? – ребята встрепенулись.

– Кто-кто, дед Пихто. Садитесь быстрее в машину, хватит торговаться. Вы что, не видите, что меня сзади менты поджимают?

– Где менты? Где менты? – отец и сын засуетились и стали оглядываться по сторонам.

«Подействовало, – заулыбался от души Петр Петрович, – попались воробушки в силки. А по-другому и быть-то не могло».

Мужики пытались посмотреть вокруг себя, но у них это получалось слабо и невыразительно. Лишь бы на ногах устоять и не упасть. Удержаться в равновесии самим и, самое главное, удержать на весу и не разбить об асфальт самое драгоценное, что было на тот момент в их жизни – бутылки с водярой – именно так стоял перед ними вопрос на данную минуту, и надо признать, от парней это требовало известной доли сноровки. Со стороны трудно было сказать, кто за кого держится и кто кого держит: то ли бутылки за мужиков, то ли же мужики за бутылки, которые ни при каких обстоятельствах им нельзя было выпустить из рук.

– Все, мужики, мое время вышло. Хотите пропадайте –

если сами того желаете, а мне ехать надо. Отойдите с дороги, слышите, мне уже сзади сигналият.

– Кто сигналиит, где сигналият? – вокруг в этот момент не было ни одной машины.

– Вы что, совсем оглохли? Отойдите быстрее с дороги и прячьтесь за остановку поскорее. Видно, ваша очередь пришла переночевать в вытрезвителе – готовьте бабки – там пятачком не отделаетесь. Послушайте, пацаны, если вы так и будете посреди дороги рты разинув стоять, то вас обоих и меня вместе с вами, точно в каталажку загребут, себе дорожке выйдем.

Этот железный аргумент возымел на них решающее действие. И отцы, немного пошатываясь, крепко вцепившись друг в друга, подошли к машине. Петр Петрович в эту секунду исполнился первобытной радости и приоткрыл им дверь. Старший из двоих повис на задней двери, а младший пытался пропихнуться мимо него в салон авто.

– Эй-эй-эй, ты чего делаешь, эй ты, чего на двери повис? Зря я с вами связался. Аккуратнее вы. Слушай, ты мне так дверь в конце концов с петель снесешь.

– Не бойся, командир, ничего с твоей дверью не случится. В этот момент Петр Петрович подумал: «Вот идиот-то, связался с алкашами – пожадничал, не надо было их сажать в машину». Пока Петр Петрович рассуждал на заданную тему, отец и сын уже удобно устроились и сидели в обнимку на заднем сиденье – они умудрились протиснуться чуть ли

ни оба разом в заднюю дверь салона автомобиля, вот проныры-то. Таких не проведешь – такие свою дорогу знают и всегда свое огребут, так или иначе. Надо же, как только запах ментов за собой почуяли, так сразу все и сообразили – понятливые ребята.

– Пацаны, дверь забыли закрыть, хлопните посильнее, – Петр Петрович то ли подсказал это подвыпившим мужчинам, то ли попросил их об этом. – Еще раз хлопните, да посильней хлопайте, не стесняйтесь. Вот расхлопались. Да все-все, харе, хватит хлопать дверью – вы мне так ее сломаете.

После третьей попытки дверь все-таки захлопнулась, прогремев так, что Петр Петрович содрогнулся. У него защемило под сердцем. И он подумал: «Вот два идиота-то недогадливых попались на дороге».

Петр Петрович включил левый поворот, машина тронулась с места. До Сабурова отсюда километров пять, а там налево. По расчетам Петра Петровича, ехать до Братеево было минут пятнадцать. Покончив с расчетами и подсчетами, Петр Петрович отключился от внутреннего навигатора и обратился лицом к дороге, дальше он ехал на автопилоте.

Солнце припекало все сильнее и сильнее – лето в этот год выдалось жаркое, асфальт подсыхал прямо на глазах.

По пути домой отец и сын, сидя в обнимку на заднем сиденье, постоянно и поочередно повторяли друг другу как заклинание только два слова. Отец говорит сыну: «Слово». Сын же отвечает отцу: «Дело». И наоборот, сын говорит от-

цу: «Слово», а отец ему вторит в ответ: «Дело». «Слово». – «Дело». – «Слово». – «Дело». И так всю дорогу и бессчетное количество раз и по очереди друг за другом и ни разу не сбившись словами. Они ни разу не произнесли, например, «слово – слово» или же «дело – дело». Именно что сокровенное «слово – дело», а через минуту опять «дело – слово», «слово – дело» и наоборот. Петр Петрович то и дело отвлекался от дороги и посматривал на своих пассажиров через зеркало заднего вида, даже не пытаясь вступать в их диалог. «Милые ребята и разговаривают друг с другом одними словами, правильно сделал, что посадил их», – по его лицу протекла от края до края рта безжалостная насмешка.

Он вступал в явное противоречие с самим собой – он то сердился на пьяных мужиков, то умилялся им, а то и издевательски надсмехался над ними. С годами этот недостаток проявлялся в чертах его характера все менее и менее отчетливо. Все дело в том, что сама жизнь гнула нашего героя к земле, что есть мочи гнула, и, надо признать, небезуспешно. Жизнь гнула и сгибалась Петра Петровича в дугу, в три погибели.

Лишь один раз старший из двух мужчин обратился к младшему со словами:

– Ты мою дочку особо не балуй, если Катька будет опять борзеть, то ты сразу бей ей в лобешник. Если она только свой рот разует и скажет лишнее словцо, то сразу должен быть ответ – должно быть дело – бей ей сразу в шнопок. Ты понял,

про что я тебе говорю? Бабу надо в кулаке держать. Правильно я говорю, командир?

– Стопудово, слово – дело. Если бабой не заниматься, то это уже и не баба, а так, не пойми чего. Бабу воспитывать надо, а то распустится.

– Понял, что тебе шеф говорит?

– Хорошо, батя, за словом будет дело, – отвечал сын отцу.

«А-а-а, – догадался Петр Петрович, – это зять и тесть, а не отец с сыном – как же мне это раньше в голову не пришло, но как же походят друг на друга, мерзавцы, – как сын на отца и отец на сына».

Вот так между словом и делом и за своими размышлениями и наблюдениями Петр Петрович подвез двух мужчин разного возраста, но одинакового содержания к их дому. Петр Петрович остановил машину прямо напротив их подъезда.

– Держи, шеф, – с этими словами старший протянул Петру Петровичу пятьсот рублей.

– Спасибо, ребята. Аккуратнее выходите, бутылочки крепче держите, не дай Бог уроните, тогда ни за что себе не простите. Всего вам хорошего.

– Не уроним, шеф, такое не роняется. Тебе спасибо, не оставил нас в беде, не бросил на дороге.

– Батя, на выходе крепче держи пузырь.

– Крепко держусь.

В это время из подъезда дома на улицу вышли две тетki внушительных габаритов. Тетки внешне были очень похожи

друг на друга, но зримо различались по возрасту. «Наверное, мать и дочь», – отметил про себя и для себя очень уж охочий до своих выводов Петр Петрович.

– Смотри, Катька с матерью из подъезда вышла, наверное, нас встречать. Батя, она к нам идет, – с испугом в голосе сказал «сын» «отцу».

– Не ссы, сынок, помни, что я тебе сказал. Слово – дело.

– Хорошо, батя, так тому и быть.

В это время к машине подошла гром-баба, весом примерно под центнер и ростом под метр восемьдесят. Она уперлась обеими руками в бока и уставилась строгим взглядом разом на обоих мужиков. Мужчины поочередно выползли из машины.

– Опять, суки, нажрались.

Петр Петрович явно не ожидал такого поворота событий. Он решил не торопиться и не стал сразу же уезжать от подъезда дома, к которому только что подъехал. Петр Петрович, затаив дыхание, ждал продолжения событий, ждал развязки, ждал, чем это все закончится.

После этих слов гром-баба, недолго думая, выхватила у первого и младшего по возрасту мужика бутылку водки и со всего размаха с треском разбила ее об асфальт. Бутылка разбилась вдребезги. Осколки разлетелись в разные стороны.

– Катька, чего творишь, в лобешник захотела?

– На, получай в свой лобешник.

Катерина со всего размаха засадила ему ладонью по фи-

зионии. Шлепок от звонкой оплеухи хлопком отозвался в ушах Петра Петровича. «Сын» отлетел на три-четыре метра в кусты. Бабенция же произнесла сокровенное словосочетание:

– Слово – дело.

Следующим на очереди был папа. Он улетел на два метра, но в противоположную сторону, после того как дочурка выхватила из его рук вторую бутылку.

– Катька, не тронь бутылку, не тронь!..

«Отец» попытался приподняться и встать на ноги. Он цеплялся руками за кусты и умолял своим взглядом Катерину пощадить хотя бы вторую бутылку – пощадить последнюю надежду на душевный разговор с «сыном» за вечерним столом. Его глаза были исполнены мольбой. В ответ на его мольбы она со всего размаха швырнула об асфальт и второй пузырь. Петра Петровича покорило от увиденного, он сморщился и прочистил пальцем левое ухо.

– Слово – дело.

После этого Катя не стала более ничего поизносить вслух. Она молча сгребла в охапку мужа с отцом, схватив их за шкурки, и потащила волоком к подъезду, приговаривая на ходу:

– Я вам покажу слово, я вам покажу дело, вашу мать.

Ее мама держала перед ними открытую дверь и понимающе кивала головой – в знак согласия с дочуркой:

– Вот вам Катька дома наподдаст.

– Мать, возьми лучше из дома веник с совком и стекла перед подъездом замети, чтобы дворничиха языком не чесала.

– Слово – дело, дочка. Сейчас уберу. Ишь, суки, опять нажрались. Ну ничего, сейчас Катька займется вашим воспитанием.

– Мать, рот закрой.

– Сам свой хавальник закрой, пока по роже у меня не схлопотал.

Дверь в подъезд дома захлопнулась. Лужи на дорогах к этому времени уже подсохли. От них на асфальте осталось лишь воспоминание в виде темных сырых пятен. Темные пятна блекли прямо на глазах, они сужались под натиском солнечных лучей. Солнечный гений продолжал творить чудеса. За час с небольшим он непостижимым образом убрал безжалостной рукой хозяина положения с улиц города мегатонны воды, пролившейся с небес на землю. Убрал один, без начальников и подчиненных и вообще без чьей-либо сторонней помощи.

Да, точно, за словом всегда следует дело – чего ни возьми, чего ни коснись и до чего ни дотронься, не иначе как слово на дело приходится. Серьезная баба эта Катька, с такой точно не забалуешь, и повезло же пацанам... Петр Петрович включил левый поворот, посмотрел в зеркало заднего вида и поехал в сторону Кунцево. По дороге заехал на заправку «Лукойла» и залил машину полным баком отборного девяносто пятого, с неразбавленным октановым числом. Он все-

гда заправлялся на «Лукойле» – его жизнь к этому приучила. Петр Петрович всегда доверял его октановому числу – числу «Лукойла». На выходе с заправки он заодно прихватил со стеллажа бесплатный журнал «Недвижимость и цены». Петр Петрович вышел на улицу. На асфальте не осталось ни одного темного пятна, он полностью подсох после проливного дождя. Скоро наступит вечер, и на город спустится прохлада, и гневливое солнце начнет тихо, незаметно, постепенно и шаг за шагом клониться к горизонту. Что же, имеет на это полное право. Имеет право на покой – солнцу тоже нужен иногда покой, право на отдых никто не отменял, для этого нами и придуман восьмичасовой рабочий день. Все должно быть одинаково для всех: и для солнца, и для людей – восемь часов так восемь часов... безумного трудового дня. Сегодня безумный день был для солнца – оно как-никак на славу сегодня потрудилось.

Но это как посмотреть и как сказать – кто и как и когда потрудился. День на день не приходится. Да, бывает такое, что солнце возьмет да как и зарядит своей жарой на целый день, ну и что из этого – Петр Петрович [в отместку солнцу] как возьмет и как зарядит бомбить по шестнадцать часов в сутки, точно самый последний муравей-каторжанин. Тут уж кто кого пересилит, так сказать, кто кого возьмет за горло – ты солнце или же оно тебя. Как правило, Петр Петрович оказывался победителем в этой борьбе на истощение, он оказывался сильней своим духом СОЛНЦА САМОГО –

и таксовал иногда с самого рассвета – восхода солнца и до самого заката, пока солнце не скроется за линией горизонта. Он явно перерабатывал по сравнению с солнцем, как, впрочем, и большинство людей тоже, как ни странно, оказываются сильнее самого солнца, и помногу перерабатывают в жизни своей – по Духу своему. Дух человеческий по силе своего воздействия ни с чем не сравним – он способен не только повернуть реки вспять, но и расстояния и время стереть и вычеркнуть из памяти людской – куда там, какому-то ВЕЛИКОМУ солнцу с этим тягаться – тягаться с силой ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА.

Если бы солнце и вправду было таким великим, то оно давно бы в один день высушило бы все моря и океаны.

Посмотрев в сторону своей машины, Петр Петрович увидел возле нее щуплого и невысокого азиата, одетого в робу зеленого цвета. Подойдя к нему, Петр Петрович протянул ему руку с чеком.

Заправщик в это время сноровисто закручивал крышку бензобака и пялился в сторону протянутого чека. Он, наверное, хотел, но никаким непостижимым образом не мог сделать два дела разом – закрутить крышку бензобака и взять из руки Петра Петровича неряшливо протянутый им чек. Все дело в том, что Петр Петрович стоял от азиата на расстоянии трех шагов. И азиат при всем своем желании, даже бы если он растянулся в шпагате, не смог бы достать своей рукой до протянутого чека, – не оторвав при этом второй сво-

ей руки от крышки бензобака. Поэтому, собственно говоря, пока азиат винтил крышку, Петр Петрович так и стоял с протянутой вперед рукой и отстраненно от реальности смотрел непонятно куда, о чем-то думая в этот момент. Ему не было никакого дела ни до азиата, ни до чека, ни до крышки бензобака, ни до машины – ни до чего, он думал о своем долге в сто пятьдесят тысяч косарей зелени. Прикрутив крышку до упора, азиат сделал полтора-два шага к Петру Петровичу, взял протянутый ему чек и больше для вида, чем для пользы дела, посмотрел в него. Петр Петрович залез в карман, вытащил из него скопившуюся за несколько дней мелочь и всыпал в ладонь азиата.

– Благодарю вас, – Петр Петрович кивнул ему в ответ и сел в машину. «Без акцента сказал, надо же», – от Петра Петровича не ускользнула эта мельчайшая деталь.

Озолотив азиата чаевыми, Петр Петрович сел за руль. Но прежде чем повернуть ключ зажигания и завести машину, Петр Петрович раскрыл журнал и опытным глазом сориентировался по ценам на трехкомнатные квартиры в Царском Селе. Просмотрев цены, он резко отшвырнул журнал в сторону на заднее сиденье. Нет, ничего в этот раз я продавать не буду. Хватит с меня, я достаточно напродавался за последние пять лет, будь что будет, после меня хоть потоп. Заправщик подошел к Петру Петрович и через открытое окошко, вежливо попросил:

– Вы нэ могли бы на стоянку отъехать от заправки? – «Нет,

все-таки с акцентом разговаривает, небольшим, но все же акцентом, не все так хорошо в этом азиате, как казалось со взгляда первого».

Петр Петрович повернул ключ зажигания – амперметры и вольтметры зашкалили в этот момент от скачка напряжения. Стартер провернулся – ток пошел по проводам, на высоковольтных проводах проскочила искра, пары бензина воспламенились, поршни пришли в движение, мотор загудел – машина завелась. Петр Петрович пристегнулся ремнем безопасности и взревел во весь голос, под шум мотора, от своего бессилия перед возникшим жизненным обстоятельством:
– А-а-а-а-а-а!

И с силой ударил несколько раз кулаком по передней панели. Прокричавшись и вдоволь настучавшись, Петр Петрович выплеснул тем самым свои эмоции наружу, оставив весь негатив, скопившийся в нем за последние несколько дней, за своими плечами, и выехал с заправки.

Первый раз в своей жизни он оказался в такой тупиковой ситуации – это был беспросветный тупик. Он не знал, что делать, не знал по-настоящему. Не знал, куда пойти, к кому обратиться, у кого занять и перезанять. Неподъемный долг висел камнем на его шее.

Отъехав с заправки с полкилометра, Петр Петрович увидел впереди голосующую парочку. Это были мужчина и женщина. Они стояли рука об руку, и при этом мужчина вытянул свободную руку поперек проезжей части. «Если по пути,

то возьму, а если нет – то проеду стороной». Петр Петрович приостановился напротив парочки:

– Вам куда ехать, молодые люди?

– На Минскую улицу.

Оказалось, что по пути.

– Садитесь, – Петр Петрович не стал в этот раз торговаться, а просто приоткрыл переднюю дверку машины.

– А вы сколько денег с нас за поездку возьмете?.

«Во как, какие осторожные попались, с этих, пожалуй, что копейки лишней не возьмешь».

– Сколько дадите, столько и возьму. Садитесь.

С такими лучше лишний раз не торговаться и в разговор лишний не вступать, толку не будет – так и так ничего не выторгуешь. А клиента потеряешь – хлопнет дверью и другую тачку поймает. Все равно по дороге, сколько дадут, столько дадут, бензином хватит отбиться. Петр Петрович в этот раз обошелся без торга. Сели и поехали – просто сели и просто поехали. По дороге разговорились.

– Ребята, чего на Минской улице забыли? – Петр Петрович проявил видимый интерес к разговору со своими пассажирами.

– Мы там живем, – молодой человек приятной наружности – безусый, как мальчишка, ответил Петру Петровичу.

– Стало быть, соседи.

– А вы где живете? – спутница молодого человека, то ли его девушка, то ли его жена, вступила в разговор и задала

встречный вопрос – вопрос пришелся на вопрос.

– На малой Филевской, – коротко обозначил Петр Петрович.

– Давно таксуете? Что-то на таксиста вы совсем не тянете.

Петр Петрович весьма удивился столь неожиданному повороту событий. Не он задал следующий вопрос, для того чтобы поддержать беседу, а его самого приперли к стенке вопросом. Он резко оглянулся за правое плечо, пытаясь оценить наружность столь решительного и бесцеремонного молодого человека, задавшего столь парадоксальный на первый взгляд вопрос. На него в этот момент смотрел очкарик с познавательным, но в то же время лишенным какого-либо любопытства взглядом. Очкарик не отводил в сторону глаз и нисколько не смутился сквозному пристальному взгляду умудренного жизненным опытом Петра Петровича.

– Да не очень-то, где-то с полгода. – Петр Петрович отвел свой взгляд от парочки, отвернувшись обратно в сторону руля. Надо же, какой наблюдательный и сметливый по уму, сразу видно, что не из робкого десятка человек.

– А с чего это вдруг таксовать решили? – не унимался парень.

«Надо же, какой любопытный». Такое редко случалось с Петром Петровичем – не он вел разговор. А его вели по разговору в этот раз, задавая ему вопрос за вопросом. Ответить – не ответить, промолчать или же сказать. Дай ответу что-нибудь, от меня не убудет в конце концов. Петр Петро-

вич не стал уходить от ответа и высказался напрямую, со всей возможной в таких случаях откровенностью и начистоту, для людей, не знакомых друг с другом.

– Жизнь заставила, на бабки попал, – Петр Петрович обрисовал двумя словами сложившуюся для него на сегодня ситуацию.

– И на много попали?

Во дает, напролом прет, как сивый мерин прет. Не унимается. Все ему расскажи да покажи. Ладно, расскажу, нехай слушает, чего с ним поделаешь.

– Да на много, на очень много.

– На сколько?

Все, собака, хочет знать. Пусть узнает.

– Сто пятьдесят тысяч баксов. Да какая разница, ребята, на сколько я попал. Главное в моей ситуации то, что я не знаю, что мне с этим делать, у меня просто нет никакого выхода. Тупиковая ситуация, понимаете. Полная безнадега. Мне некому помочь, и я не знаю, к кому мне обратиться за помощью. Чего вам еще сказать?

– А вы случаем не слышали о старце Власии? – очередной вопрос.

«Как на допросе ведет себя этот очкарик – вопрос за вопросом сыплет. Он случайно не из прокурорских будет – беды с этими прокурорами не оберешься. Подальше от таких прокуроров держаться надо».

– Что за старец такой? – Петр Петрович все же и в этот

раз ответил прокурорскому попутчику вопросом на вопрос.

– Старец Власий – это провидец, он под Боровском живет, в монастыре Свято-Пафнутьевском. Он очень многим людям правильным советом помог, в совершенно безвыходных для них ситуациях. Он все наперед знает и видит. Попробуйте к нему съездить. Вам хуже от этого все равно не станет, а вдруг что подскажет. Правда, народу к нему в очередь очень много стоит – потерпеть придется, мы, например, к нему лишь на шестой день попали.

– А он вам-то помог? – в голосе Петра Петровича прозвучали нотки сомнения – без единой нотки надежды. Пустой, казалось бы, вопрос, в пустом и никому не нужном, казалось бы, разговоре. С нами так зачастую бывает, мы придаем огромное и чуть ли не вселенское значение каким-то пустякам, не замечая главного на пути своем – и при этом не придаем этому главному ровным счетом никакого значения. Как порой все это странно выглядит со стороны, когда смотришь на все это с высоты прожитых лет.

– Помог. И очень даже помог, как видите.

Как это понять «как видите», что это может означать. Петр Петрович опять оглянулся за свое плечо, но ничего нового для себя так и не увидел в этот раз. Он не успел рассмотреть прокурорского очкарика внимательным образом. Петр Петрович вздрогнул и сразу же обернулся в сторону пронзительного сигнала клаксона, раздавшегося в его сторону от машины, проезжавшей в этот момент слева от него. Лицо

водителя черной «мазды» находилось в полутора метрах от лица Петра Петровича – и было перекошено им в сильной злобе. Он матюгался почему зря и на чем свет стоит в сторону нашего героя – через открытое окошко к открытому окошку. Водитель «мазды» почему-то вкручивал свой указательный палец себе в висок. Он орал на Петра Петровича благим матом и пытался доказать тому, какой же он все-таки на сегодня мудака. Глаза водителя «мазды» были наполнены праведным гневом и первородным испугом, он брызжил во все стороны слюной. Вдоволь навертевшись пальцем у своего виска, он принялся что есть мочи и дури долбить себя кулаком по лбу. Петр Петрович резко дернул рулем в противоположную сторону. После того как машина Петра Петровича заняла свой и положенный ей ряд, он снял правую руку с руля и приложил к груди, тем самым сердечно извиняясь перед ополоумевшим водителем «мазды». Сам же даже испугаться и опомниться толком не успел – настолько все стремительно для него произошло. Водитель «мазды», увидев движение руки Петра Петровича, сразу же успокоился. Он улыбнулся, расслабился, махнул рукой и поддал газку. Только они с Петром Петровичем друг друга и видели.

С кем на дороге не бывает – зазевался наш с вами Петр Петрович от такого разговора, рассматривая со всех сторон прелюбопытного прокурорского очкарика. Обошлось и ладно. Чего было так нервничать? Петр Петрович продолжил разговор, ранее начатый:

– А как к нему добраться?

– Очень просто – проще простого. Едете шестьдесят километров по Киевскому шоссе, а там увидите указатель на Свято-Пафнутьевский монастырь. Дальше едете километров десять-пятнадцать, строго по указателям, прямо до монастыря. Так что не заблудитесь. А в случае чего, спросите у кого-нибудь из местных – там все про этот монастырь и про старца знают.

– Тормозите-тормозите, мы уже приехали, нам здесь надо выходить. Надо же, как мы с вами заболтались, – искренне удивилась своей природной рассеянности в пути спутница прокурорского очкарика – то ли невеста ему, а то ли уже и жена. С раза первого и не разобрать. Очкарик протянул Петру Петровичу двести пятьдесят рублей:

– Так нормально?

– Да нормально, выше крыши.

Прокурорский первым вышел из машины и попридержал перед то ли девушкой, а то ли женой дверку. В это самое время Петр Петрович оглянулся со словами благодарности к очкарику:

– Спасибо тебе за добрый и дельный совет, может когда и воспользуюсь, хотя вряд ли...

– Послушайте меня, вы же не ребенок в конце концов. Я вас уговаривать не собираюсь и не стану. Вам в конечном итоге принимать решение. Но почему вам туда на самом деле не съездить? Я вас не понимаю. У вас другого выхода, по-

хоже, просто нет. – Очкарик захлопнул дверку.

«Надо же, такой молодой, а как убедительно рассуждает и доказывает. А может, он учитель в средней школе, педагог, а никакой и не прокурорский? Может, и зря я на него так про себя гнал, всякое надумывал и придумывал. Кто его знает, кто его ведаёт – кто он такой». Взгляд Петра Петровича от этого стал многозначительным и задумчивым. «Толковый, ничего не сказать, толковый клиент попался мне под вечер. Кто же мне его послал? Вопросы, одни вопросы, вопрос за вопросом. Но все равно умеет же убеждать – учитель, стопудово учитель».

Петр Петрович включил левый поворот и поехал домой – на сегодня хватит. Это было его третье по счёту окончательное решение на сегодня. Его рабочий день закончился. На улицы города спускалась прохлада – на часах было чуть за семнадцать, для лета и не вечер и не день, но все же ближе к вечеру. Теплый летний вечер, после проливного дождя, что может быть лучше для города и его жителей? Суматоха рабочего дня позади, а впереди несуетный и прохладный вечер – предвестник ночи.

Петр Петрович большую часть своей жизни прожил в Кунцево, он любил этот район города – это была его Родина. Он здесь знал все и вся, и его здесь тоже многие люди знавали, его здесь знал каждый закоулок. По своему внешнему виду и манере вести свой разговор Петр Петрович менее всего походил на водителя такси. Многие пассажиры сразу

же – минут через пять, после мимолетного знакомства с ним накоротке, сами ему об этом говорили. Сложно сказать, на кого был более всего внешне похож Петр Петрович, это было всегда по-разному. Все зависело от его настроения в данный момент. Это зависело даже от погоды – в дождь он был меланхолик, а в жару он превращался в холерика или же амебу. Но что совершенно точно, так это то, что Петр Петрович был мечтателен, особенно в дождь.

Он мог стать в свое время и учителем, и инженером, да и ученым он тоже запросто мог оказаться, но не космонавтом... Космонавтом он точно никогда бы не стал, и все потому, что остерегался высоты и замкнутого пространства. Он ненавидел замкнутое пространство, он его боялся, страшился, терпеть не мог, он любил простор и свободу. Но вряд ли кто из не знакомых ему людей мог разглядеть в нем с первого взгляда игрока, причем Игрока с большой буквы. В своей душе Петр Петрович был игроком до мозга костей, он всю свою жизнь превратил в игру. Без страсти и без эмоций он не мог жить, без игры он скучал по-настоящему, без игры он не находил себе места. Без игры на деньги жизнь превращалась для него в скуку смертную.

Играл на деньги Петр Петрович с садика детского, столько, сколько он себя помнил, столько он и играл в азартные игры. И нельзя было сказать про него, что он был жадным до денег человеком. Он просто очень любил игру как таковую. Любую, игру саму по себе, с ее тайной последней. Петр

Петрович был азартен до крайности – до нерва обнаженно-го, до черты последней. На деньги он играл во все, что под руку попадет – в крестики-нолики, в морской бой, в лото, в шашки, в шахматы, в фантики, в прятки, в салочки, в карты, в футбол, в хоккей, в домино. Любую игру он старался и мог превратить для себя в игру на деньги. И он почти всегда выигрывал, он был крайне хитер и изобретателен, ему ничего не стоило обвести своего соперника вокруг пальца.

В девять лет он умудрился купить себе на выигранные деньги радиоприемник стоимостью сто двадцать рублей. Его мама ахнула и схватилась за сердце, увидев в комнате новенький приемник.

– Откуда у тебя столько денег, Петруша? – в голосе мамы звучало удивление и испуг.

– На завтраках сэкономил, мам, – отвечал маме с довольной улыбкой находчивый, белобрысый и ушастый Петруша.

Все свое детство и всю свою молодость Петр Петрович провел за игрой и за учебой. Он везде и всегда хорошо учился, даже на отлично, он имел способности к математике, он все и всегда хорошо считал – он умел считать. Правды ради надо отметить, что где-то с двадцати шести до тридцати – тридцати двух лет Петр Петрович играл не так много, да и то из-за того, что он в это время обзавелся семьей.

Женился он на красавице модели Инге, и Инга родила ему красавицу дочку Светлану. К этому времени Петру Петровичу некогда было особо играть, у него всю процветал биз-

нес, строительный и риэлторский. Он был удачливым и изворотливым бизнесменом – бизнес на какое-то время заменил ему игру, можно сказать, что он играл своим бизнесом. Но опять же он был азартен, и вскоре, годам к тридцати семи, ему наскучили эта недвижимость и это строительство, бесконечное и тупое.

Он решил попробовать себя в качестве биржевого спекулянта, взял да попробовал – в результате чего через год у него не осталось в запасе свободной наличности.

– Не расстраивайся, Петруша, нельзя же так по пустякам убиваться, – успокаивала своего мужа жена-красавица, поглаживая его ласково по головушке.

– Как мне, Инга, не расстраиваться, я совсем без наличности остался.

– А ты продай что-нибудь, ведь ты такой умный, все равно заработаешь. Не грусти, дорогой, ну хватит наконец хныкать, не будь такой бякой. Ну хочешь, сходим сегодня вечером в казино, отвлечемся и развеемся немного.

– Хочу.

До этого случая никто и никогда не мог обмануть Петра Петровича, скорее он сам мог кого угодно обмануть. Ни братки, ни менты в лихие девяностые не могли к нему даже близко подступиться, он был скользкий и изворотливый, как уж. А тут такой казус – он сам собственноручно свои деньги на биржу отнес, по своей воле и по своей глупости расстался с деньгами. Первый раз в жизни его обманули, а точнее – он

сам себя кинул и обманул.

Затем был второй залет – в этот раз Петр Петрович потерял пару домов, после этого случая красавица-жена попрощалась с мужем-неудачником, сказав ему на прощание:

– Петруша, не отчаивайся, у тебя вся жизнь еще впереди, только не опускай руки, и я тоже снова попробую себя в модельном бизнесе.

Через три месяца она вышла замуж за довольно приличного мелкого банкира-афериста, а еще через год у Петра Петровича заболела дочка, которую он любил всем своим сердцем. После третьего захода на российский фондовый рынок у Петра Петровича осталась лишь дача с квартирой да машина бывшей жены-модели. Плюс к этому он остался должен сто пятьдесят тысяч косарей – это был удар судьбы ниже пояса, и в этот раз изворотливый Петр Петрович потерялся по-настоящему и не на шутку, он в штопор вошел. Теперь ему предстояло продать либо последнюю квартиру, в которой он жил с дочкой, либо дачу, для того чтобы рассчитаться с долгом. Эти деньги Петр Петрович одолжил у своего друга детства, без расписки, под слово честное взял, и эти деньги ему нужно было возвращать по-любому.

Прошло две недели, Петр Петрович справился со своей задачей – ему удалось набомбить шестьдесят пять тысяч рублей и он смог заплатить за обучение дочки за предстоящий год. А еще через пару дней, в середине августа, Петру Петровичу позвонил друг детства:

– Петь, как наши дела?

– Пока никак.

– Подъезжай завтра к обеду, где-нибудь в час дня к хаммеровскому центру [что на набережной Краснопресненской] – надо перетереть. Я буду в это время обедать в ресторане...

Назавтра, ближе к полудню Петр Петрович припарковался возле центра. Вышел из машины, отыскал пятый подъезд и зашел в ресторан. В ресторане к этому времени скопились посетители, наступил час обеденный, все столики, за редким исключением, были заняты, в основном по двое. Петр Петрович сразу же разглядел знакомое ему лицо. За одним из столиков в одиночестве сидел его друг детства. Это был мужчина крепкого телосложения, с твердым подбородком и окаменелым взглядом. Он смотрел перед собой и при этом создавалось ощущение, что он смотрит как бы в никуда. Он смотрел отстраненным взглядом то ли на барную стойку, то ли на вход в ресторан. Как только Петр Петрович ступил ногой на порог ресторана, он заметил его и махнул рукой, приглашая к своему столику.

Они дружили почти с рождения, с четырех лет. Можно смело сказать, что они с детства раннего сидели на одном горшке. Их матери тоже дружили еще с тех времен, когда Кунцево было деревней, и они жили в соседних деревянных бараках в Аминьево. Друг Петра Петровича был спортивным человеком – он был мастером спорта по боксу, по вольной борьбе и по плаванию. В последние пять лет он работал в

одном из крупных холдингов заместителем генерального директора по общим вопросам. Он решал сложные и щепетильные вопросы. Ему была по душе его работа. Он умел разговаривать и договариваться с людьми, один его внешний вид внушал собеседнику уважение. Три года назад он женился третий раз на молодой польке, которая была младше его на пятнадцать лет. Недавно у него родилась дочка, это был третий его ребенок, все его дети были от разных жен. Для него не являлось особым секретом то, что Петр Петрович по сути своей был игроком, и несмотря на это, он в трудную для того минуту протянул ему руку помощи. Он сразу одолжил ему деньги – на следующий же день после того, как Петр обратился к нему за помощью.

– Здорово.

– Здорово, Петя.

Они пожали друг другу руки. Петр Петрович присел за столик. К столику подошел официант:

– Чего кушать будешь, Петь?

– Да мне без разницы, заказывай мне то, что и себе закажешь.

– Принесите нам две порции жаркого с картошкой и два овощных салата.

Через десять минут официант принес на подносе заказ и услужливо поинтересовался:

– Что будете пить?

– Мне чашку кофе, – ответил за себя Петр Петрович.

– Два больших кофе со сливками, – обозначил официанту приятель Петра Петровича.

– Будет исполнено. – Официант отошел от столика.

– Петя, слушай сюда. Те деньги, которые я тебе дал, были не моими, я их одолжил у подполковника ФСБ. Мне их надо через месяц-два возвращать. Я сейчас сам на мели и я не знаю, где мне перезанять эту сумму. Я тебя прикрыть не могу, поэтому пиши расписку, что ты взял у меня сто пятьдесят тысяч зелени и что ты обязуешься их вернуть. А срок, в который ты возвратишь мне деньги, ставь любой – только перед этим подумай хорошо.

– Я пишу расписку на полгода. – Не задумываясь ответил Петр Петрович.

– Пиши.

– Диктуй текст.

– Сам придумай.

Петр Петрович отступил от верха и написал посередине чистого листа бумаги размашистым почерком слово «Расписка». Ему до этого дня по роду своей деятельности зачастую приходилось сталкиваться с составлением подобного рода обязательств – одной стороны перед другой. Поэтому он без особого труда раскатал по листку бумаге текст и поставил под ним свою подпись, с указанием даты составления расписки и даты возвращения долга. Только в этот раз была существенная разница в обязательствах между двумя сторонами – никогда прежде Петр Петрович не писал такого рода

расписки сам. Ему писали, а вот он нет – не писал и не ставил свою подпись под такого рода документом.

– Готово, держи.

Друг детства не стал ее читать, он свернул расписку вчетверо и положил в боковой карман пиджака.

– Как дома дела, Петь?

– Да никак. Инга ушла от меня к банкиру жить, дочка болеет. Денег нет, таксую понемногу, с хлеба на воду перебиваюсь.

– Слышишь, Петь, ты не скули, а. Не жалуйся, знаю я тебя, не приbedняйся. У меня у самого три ребенка от трех разных жен и всем денег дай. Сын, к твоему сведению, тоже астмой болеет.

– Да я не скулю, просто рассказываю тебе, в какой я жопе. Что ты мне теперь, танцевать прикажешь?

– Ты чем думал, когда бабки брал? Тебе в голову не приходит, что ты и меня подставил? Делай что-нибудь, продавай или дачу, или квартиру. – На это Петр Петрович не нашелся, что ответить, он не хотел извираться перед другом детства. На себя ему было наплевать, но дочка больная, что с ней будет, если она узнает об этом? Он промолчал.

– Чего молчишь?

– Да чего говорить, думаю, – Петр Петрович сделал пару глотков кофе и поставил чашечку на столик.

– Думай. Время у тебя есть – полгода в запасе. Решай вопрос. Будешь что-нибудь еще?

– А ты?

– Давай еще по чашечке кофе пропустим, – друг поманил к себе официанта, подняв вверх руку.

– Что еще желаете?

– Два кофе.

– Капучино или простого?

– Петь, тебе какого?

– Как себе закажи.

– Простого.

– Сию минуту. – Официант составил на поднос грязные тарелки и отошел от столика в сторону барной стойки.

Петр Петрович отчего-то улыбнулся. Друг обратил на это внимание?

– Чего ухмыляешься, Петь?

– Да так, на ум приходит фигня всякая и разная. Раньше мы с тобой только и думали о том, как по стакану пропустить, а теперь только и делаем, что кофе чашечками пьем. – И друг, и Петр Петрович уже как пятый год были в жесткой завязке.

– Да, точно, были времена, – друг заулыбался, – ты знаешь, Петь, а меня и не тянет бухать.

– Да брось ты. Может, тебя и на баб не тянет? Ни в жизнь не поверю. Мне иной раз так вмазать стакан хочется, что и слов подобрать не могу.

– Ты знаешь, после того как я третий раз женился, то и на баб перестало тянуть. Да ну его на фиг, грязь в дом таскать.

Я не вру, Петь, меня бухать вообще не тянет.

– Счастливый... Тебе проще.

В это самое время официант принес две чашечки кофе и поставил их на столик:

– Будете что еще заказывать?

– Нет, рассчитайте нас сразу.

– Будет исполнено.

Через час друзья детства на прощание пожали друг другу руки.

Но дружба дружбой, а бабки бабками, и долг платежом красен. Петру Петровичу все же предстояло отдавать занятые им ранее деньги, и это превратилось для него в проблему неразрешимую – проблему номер один. Несколько лет назад решение этого вопроса не составило бы для него особого труда, он с легкостью выкрутился бы из этой ситуации. Но сейчас он не видел для себя никакого выхода, у него вообще хода не было – это был цугцванг, любой следующий его ход был обречен на неудачу.

На следующее утро Петр Петрович пораскинул мозгами, прикинул, что к чему, задумался о былом, о прожитом, вспомнил о детстве и о маме, о брате, погибшем десять лет назад. Отключился ненадолго мозгами, в облака улетел своими мыслями, что ли. «А почему бы мне и вправду к старцу не съездить, может, не случайно мне эта парочка попалась. Чего я теряю от этой поездки? Да по большому счету ничего. За обучение заплатил, гнаться за деньгами особой нужды

теперь нет. Времени у меня навалом. Попробую. Съезжу на всякий случай, чем черт не шутит».

Был полдень жаркого июльского солнечного дня, полчаса назад Петр Петрович выехал из Москвы. Встречный ветерок приятной прохладой обдувал лицо и трепал по ветру его волосы через приоткрытое боковое окошко автомобиля. Солнце уже взошло достаточно высоко и зависло прямо над шоссе. Солнечные лучи ослепляли водителей, ехавших из Москвы в сторону области. Петр Петрович надел солнцезащитные очки. Правая его рука небрежно лежала на руле, локоть же левой руки чуть выступал за окошко и свисал к исчезающему под авто асфальту. Его правую руку тоже обдувало июльским ветерком, из радиоприемника доносилась приятная слуху и расслабляющая душу музыка радио «Релакс FM». Так хорошо – так можно ехать. Слева от него в сторону Москвы плыл непрерывной пробкой нескончаемый поток машин, а справа за спиной оставались деревеньки с улочками, пролески с полями, магазинчики с палатками, гаишники на постах ГАИ с жезлами в руках наперевес.

Петр Петрович издали разглядел третий по счету пост ГАИ. Он сразу же включил левый поворот и попытался уйти в левый ряд и спрятаться за грузовик от гаишника, стоящего у обочины чуть вдали от поста. У Петра Петровича не было доверенности от бывшей жены на управление ее автомобилем. Петр Петрович пропустил пару машин и дернул руль влево, но было уже поздно. Гаишник шагнул одной ногой на

первую полосу шоссе и поднял руку – поток машин, ехавших по первой полосе, приостановился. Гаишник посмотрел на авто, которым управлял Петр Петрович, и выдернул его из второго ряда движением жезла. Первым и сиюминутным желанием Петр Петровича было дать по газам и смыться от гада на ближайшем повороте. Но проехав вперед метров пятьдесят, он струсил и счел за благоразумное нажать на педаль тормоза. «Попал», – пронеслось в его голове.

Петр Петрович достал две купюры по сто и пятьдесят рублей и распихал их по разным карманам брюк. Отстегнул ремень безопасности, вышел из машины и направился к гаишнику. На ходу разводя руки в стороны:

– Командир, я вроде ничего не нарушал. – Гаишник взял под козырек.

– Капитан ППС Волков. Проверка документов.

– Да у меня все в порядке. – Петр Петрович протянул инспектору документы на машину.

– В порядке, говорите, а где ваши права?

– А... забыл... сейчас, – Петр Петрович начал шарить по своим карманам.

– Не употребляли?

– Да ты что, командир, как такое возможно, я пятый год в завязке. – Петр Петрович отыскал права и протянул их инспектору.

Капитан перестал вертеть в своих руках документы и посмотрел на права Петра Петровича:

– Так, стало быть, вы Левин?

– Да, а кто еще?

– А машина принадлежит кому – Левиной?

– Ну да, это моя жена.

– А где доверенность от нее на управление транспортным средством?

Петр Петрович побил себя руками по карманам.

– Командир, дома, наверное, забыл.

– Пройдемте на составление протокола.

– Капитан, может на месте все порешаем? – Петр Петрович протянул гаишнику зажатые в руке пятьдесят рублей.

– Это что... на чай?

– У меня больше нет. Только на бензин столярник остался. – Петр Петрович достал из другого кармана брюк сто рублей. – Вот, видишь, нет больше.

– Пройдемте. Составим протокол, а машину вашей супруги на штраф-стоянку заодно определим.

– Командир, ну не надо на штраф-стоянку, держи еще столярник. Хрен с ним, как-нибудь доеду без бензина, – Петр Петрович протянул капитану сто рублей.

– Это нарушение по квитанции стоит пятьсот рублей, еще и штрафную стоянку придется оплатить. Чего вы мне это суете? – судя по всему, капитан сегодня эти бумажки за деньги не считал.

– Больше нету, капитан, пойми.

– Подгоняйте машину к посту на стоянку. И проходите на

пост для составления.

«Вот заладил – составление протокола, составление. Неужели не отпустит, душегуб проклятый?» Петр Петрович взмолился:

– Капитан, ну войди в положение, помилосердствуй, меня жена с сынишкой в монастыре ждет, я, правда, на мели, ребенок болеет.

– У всех у вас кто-нибудь да болеет. – Капитан еще раз взглянул в права Петра Петрович. И ни с того ни с сего спросил:

– Слушай, а ты случайно не еврей?

– С чего ты взял такое, капитан?

– У тебя фамилия Левин, у меня был один знакомый жид с такой фамилией.

– Да нет, капитан, это путаница в документах. Над «е» забыли две точки поставить. Я Лёвин с двумя точками на перекос, через «ё» читай. У меня мама русская, а папа тоже русский. Ну отпусти, капитан, за Христа ради умоляю, отпусти. Чего тебе стоит?

– К старцу Власию едешь?

– К нему, к нему к родному еду. Отпусти, прошу тебя.

Петру Петровичу осталось только лишь встать на колени, чтобы расцеловать этому козлу сапоги.

Капитан Волков выхватил из рук Петра Петровича сто пятьдесят рублей и сунул ему в руки документы.

– Капитан, а через сколько поворот на монастырь?

– Через двадцать километров.

– Спасибо, капитан, за то, что вошел в положение.

Капитан ничего не ответил. Инспектор ППС Волков сделал шаг-другой в сторону трассы и вытянул руку с жезлом вдоль дороги – кому-то в очередной раз «повезло».

Белый «жигуль» шестой модели притормозил и съехал с трассы на обочину, обдав пылью все вокруг себя. Капитан взял под козырек:

– Капитан ППС... Предъявите для проверки ваши документы.

– Командир, да у меня все в порядке, – водитель протянул инспектору права и документы на свою машину.

– Страховка имеется?

– Да вот, смотри.

– А техосмотр проходили?

– Смотри, вон на стекле висит.

– Не употребляли?

– Да нет, я вообще не пью.

Инспектор подошел к машине, посмотрел через лобовое стекло на техталон и протянул документы водителю «шестерки»:

– Честь имею!

Петр Петрович сел в машину, пристегнулся ремнем, включил левый поворот и выехал на трассу. «Повезло же мне нынче с гаишником, всего в сто пятьдесят рублей мне обошелся, могло быть хуже во сто раз, да запросто могло».

Петр Петрович ехал к старцу. Ехал за подсказкой, без капельки надежды на удачу – скорее, от безысходности тупой ехал, по безнадеге, скорее, формально ехал, ехал в никуда, по формальным соображениям. И такое в нашей жизни бывает, иногда и зачастую.

Проехав еще с двадцать километров, на шестидесятом километре от МКАД Петр Петрович включил правый поворот и остановился на обочине шоссе у небольшого придорожного кафе. Он вышел из машины, чтобы свериться, не проехал ли он поворот, ведущий к монастырю.

В это время на крылечке перед входом в кафе сидел смуглый с узким разрезом глаз молодой человек лет тридцати. По внешности это, скорее всего, был таджик или туркмен, одет он был в белый халат с засученными по локоть рукавами. Он сидел на крылечке и чего-то то ли бубнил, то ли напевал, подперев ладонью подбородок. Скорее всего, он напевал себе под нос национальные мотивы, песни о родине своей. Петр Петрович прервал его за этим занятием:

– Любезный, подскажи, скоро ли поворот на монастырь Свято-Пафнутьевский, к старцу Власию.

– Через полтора километра поверните направо – вы там указатель увидите, – ответил с безразличным видом то ли узбек, то ли туркмен, на чистейшем русском языке. Петр Петрович раскрыл рот от удивления.

Сказав это, он оторвал правую руку от подбородка и, не вставая с места, махнул за спину в даль дороги, указывая

Петру Петровичу направление его дальнейшего передвижения по трассе Москва – Калуга.

– Спасибо вам, молодой человек.

Отойдя на пару метров, Петр Петрович задумался: «Бывает же такое, никогда бы не подумал. Не русский, а на русском языке так лопочет, что иному русскому и не снилось – заслушаешься». Петр Петрович сел за руль, пристегнул ремень. Перед тем как отъехать от кафе, он еще раз посмотрел в сторону загадочного парня. В это время молодой человек ласкал за ушком сощурившегося котеночка-мурлыку. Серый котенок ластился об ногу напевающего себе под нос национальные мотивы то ли таджика, то ли туркмена, разговаривающего при этом на чистейшем русском языке. Петр Петрович надел темные очки, включил по ошибке правый поворот, точно женщина за рулем, повернул голову назад, убедился в том, что никого не заденет, и выехал на трассу. Через полтора километра он разглядел указатель на монастырь, попытался включить правый поворот, но он был уже включен, и повернул, съехав с трассы Москва – Калуга. И часа не прошло, как он выехал из Москвы. Через пять километров Петр Петрович повернул по указателю еще раз направо, а затем налево. Вскоре он припарковался на стоянке возле монастыря.

На стоянке по первому взгляду могло сразу разместиться несколько десятков машин. Она имела гравийную основу, а не асфальтовое покрытие. На часах было около двух

часов дня, солнце на небе к этому времени уже стояло в зените, и поэтому на улице палило нещадно. На стоянке помимо машины Петра Петровича было припарковано еще пятнадцать-двадцать машин.

Выйдя из машины, Петр Петрович взял в руки бутылку с водой, сделал три-четыре глотка и положил бутылку в тень, под переднее сиденье. Прихлопнул дверку и поставил машину на сигнализацию, щелкнув брелоком. Петр Петрович облокотился локтями на крышу машины и осмотрелся по сторонам. Монастырь был обнесен высокой каменной стеной. Стена была бугристой неровной поверхностью. За десятилетия и столетия углы кирпичей под воздействием ветра и дождей сточились и стали округлыми во многих местах. Поэтому свежепобеленная стена со стороны казалась сложенной из бесформенных кирпичей неопытной рукой мастера, не по уровням, не по плоскостям. По верхним краям стена не держала линию горизонта и имела перепады по высоте, от бойницы к бойнице. Судя по всему, монастырь был внушительных размеров – во всяком случае ни в одну, ни в другую сторону не просматривалось окончание высоких белокаменных стен, окружавших монастырь. Головные монастырские ворота, открытые нараспашку, были огромными по высоте и ширине. Через такие ворота при случае и кран подъемный запросто мог проехать. Петр Петрович зашел за ворота. Справа сразу же за воротами стоял небольшой деревянный домик наподобие сторожки [не больше строительной бытов-

ки], к оконному стеклу которого был прикреплен небольшой тетрадный листочек. Петр Петрович наклонился к стеклу и прочитал короткую и лаконичную надпись на листочке в клеточку: «Пожертвователей и благотворителей старец принимает вне очереди».

Внутри стен территория монастыря более всего походила на небольшую строительную площадку, беспорядочно заваленную строительными материалами. В основном это были сложенные друг на друга доски, мешки с цементом, прикрытые пленкой, наваленные друг на друга рулоны рубероида и выставленные на поддонах кирпичи. По монастырю безостановочно сновали разнорабочие – именно разнорабочие, поскольку их внешний вид с первого взгляда не внушал никакого к себе уважения. Они были одеты кто во что горазд, наподобие бомжей. Сразу за бытовкой справа от нее были свалены две кучи – одна с песком, а вторая с гравием мелкой фракции. Между двумя кучами с шумом вращалась бетономешалка, на десятую часть куба. Возле нее стояли двое рабочих. Один из них бросил в мешалку пару совковых лопат песка и гравия. Второй же заглянул внутрь и высыпал туда же полмешка цемента. Засыпав цемент, он отошел на пять шагов и открыл водопроводный кран – по черному дюймовому шлангу в сторону бетономешалки потекла вода, она вытекала из шланга на землю и начала ручейком затекать под кучу песка. Высокий жилистый мужчина отставил лопату в сторону, подошел и поднял шланг с земли и опустил его в

бетономешалку. Через полминуты он сделал отмашку и командовал напарнику:

– Харе, выключай, полна коробочка.

Распарившийся от жары толстяк с пузом в пять арбузов закрыл кран и вытер рукой пот, выступивший капельками на его лбу. Его лицо покраснелось от жары и стало походить на краснощекий помидор.

– Вить, ну и жарища сегодня. – Закрыв кран, пузач возвратился к бетономешалке.

На его голову был натянут носовой платок, связанный в узелки по четырем краям, а штаны, вымазанные в цементной пыли, поддерживались подтяжками, перекинутыми через плечи и пузо к штанам. Белая майка, через которую были переброшены подтяжки, была насквозь пропитана потом. Ручейки пота перетекали по всему телу – ото лба к шее, от шеи к груди, от груди на пузо. Судя по всему, жара была ему в тягость – это была не его погода. Его жилистый напарник не выглядел вымотанным жарой. Его загорелая кожа была сухой, и в его теле не чувствовалось усталости.

– Да, Димон, жарковато, но работать можно. Жара лучше, чем дождь: в дождь не поработаешь. Выработаем этот замес и пойдем на обед.

Пузач, похожий на синьора помидора, промолчал. Он смотрел себе под ноги, облокотившись на лопату, на его ноги были надеты кирзовые сапоги и это в такую-то погоду. Синьор помидор изнемогал под тяжестью жары.

«Если столбик ртутного термометра поднимется еще хотя бы на три градуса, то его точно хватит кондратий или солнечный удар. Как он еще до сих пор без ног не остался? Разве можно в такую жару в кирзачах работать – у него ноги же сопреют», – искренне недоумевал Петр Петрович.

Раскрасневшийся пузач и загорелый, как мулат, мужчина заливали цементным раствором ленточный фундамент – либо под большой гараж, либо под небольшой домик. Судя по всему, они заливали опалубку, выставленную из двадцатой доски, слоями. К концу дня должны управиться. Петр Петрович обратил внимание на то, что арматура почти что по всему периметру была уже скрыта цементным раствором. Хорошо работают ребята, подходят друг другу, по работе не суетятся, лишних слов не говорят, а дело свое делают.

Кроме сновавших тут и там рабочих, Петр Петрович сразу же увидел перед собой храм и двухэтажное здание напротив него.

У обветшавшего двухэтажного кирпичного здания красно-коричневого цвета было два входа: один располагался в торце, а другой – ближе к дальнему краю здания. Ко второй двери выстроилась длинная очередь, насчитывающая не один десяток человек. Очередь была бесформенная – она где-то сужалась до одного-двух человек, а где-то расширялась до пяти-семи человек. Люди в очереди то стояли вплотную друг к другу, а то и на расстоянии метра-полтора друг от друга. Над очередью стоял непрерывный гул от множества

голосов. Кто-нибудь да с кем-нибудь беспрерывно разговаривал и обменивался последними впечатлениями. Петр Петрович растопырил свое ухо в надежде уловить наилучший момент и подслушать что-нибудь важное.

Петр Петрович встал сбоку двух бабулек, одна из них делилась своими скорбями с другой:

– Сегодня в пять утра человек десять без очереди проскочили.

– Я видела, чуть было друг друга не передавили.

– Что с ними поделаешь, видно, им до зарезу надо было к старцу попасть. Не просто же так именно они сумели к нему без очереди проскочить? Там еще человек сто лезло к старцу через головы, а прорвались только они. Значит, им очень надо было, больше, чем другим. Мне спешить некуда, постою.

– Да и мне тоже некуда. Постоим, видно, такова наша доля.

Петр Петрович взгляделся в покорные лица пожилых женщин.

Лица двух столь не похожих друг на друга бабулек были на удивление одного и того же смирения пред жизненными обстоятельствами. Он не увидел в их лицах ни доли суетливости и спешки. Петр Петрович был сражен их покорностью. Они нисколько не осуждали людей, проскочивших к старцу с утра без очереди. Наоборот, оправдывали их, пытались войти в их положение и даже радовались за них. Такого Петр Петрович за собой ранее никогда не замечал. Лезть через го-

ловы и по головам впереди стоящих людей было в его традиции. Ну а если через голову не получалось, то можно и между ног попробовать проскочить.

Слева вдоль дорожки, ведущей к главному входу в двухэтажное здание, стояла пара скамеечек. На одной из них одиноко сидела со слегка опущенной головой милостивая женщина – с фигурой точеной, возраста романтического, между средним и бальзаковским. Скорее всего, ей было под сорок. Петр Петрович отделился от очереди и направился в ее сторону.

Ее яркие черные волосы блестели на солнце. Они были стрижены и уложены в аккуратное каре. Несомненно, что она была красавицей лет десять назад, но хлебнула по жизни достаточно. Петр Петрович пригляделся к обладательнице модной и яркой прически. Он пристально посмотрел на переливающееся от солнечных лучей лицо незнакомки. В эту же секунду что-то необъяснимое всколыхнуло его память... Петр Петрович подошел к скамеечке и окликнул симпатичную ему женщину:

– Здравствуйте, а это и есть очередь к старцу? – он не нашел ничего лучшего, чем задать этот глуповатый вопрос, для того чтобы перейти от взгляда к знакомству. Дураку было ясно, что очередь вела к старцу, а к кому же еще.

Плечики незнакомки слегка вздрогнули, она очнулась от своих мыслей, точно от сна, и медленно подняла голову навстречу солнечным лучам. Ее взгляд и глаза были скрыты за

темными очками. Некоторое время она молча рассматривала, точно оценивала Петра Петровича сквозь темные очки:

– Да-да, это и есть очередь к старцу, – она произнесла эти слова немного заторможенно, с грустью в голосе и отстраненно.

Ответив Петру Петровичу, она сразу же опустила глаза, склонив голову к груди. Незнакомка вновь целиком и полностью погрузилась в свои мысли, оставив Петра Петровича с его переживаниями в стороне от себя. Но голос, голос... Какой же у нее таинственный и завораживающий голос. По сердцу Петра Петровича проскочила искорка. Он отошел от скамеечки в сторонку на пару шажков. Как жалко, что она не сняла свои очки. Петр Петрович сожалел в этот момент о том, что так и не увидел ее глаз, ее взгляда.

Петр Петрович решил сегодня действовать решительно и по своему обыкновению. Для начала надо занять на всякий случай общую очередь. А затем уже искать обходные и окольные пути, для того чтобы попасть к старцу именно сегодня и без очереди.

Петруша с детских лет был мастак на подобного рода фокусы. В конце очереди стояла женщина с несколькими листками бумаги в руках, она записывала на листочек фамилии людей, подходивших к концу очереди. Петр Петрович обратился к ней:

– Запишите и меня, пожалуйста.

Женщина сделала пометки на одном из листочков:

– Ваш номер 728.

– Как 728? Здесь не больше ста человек стоит.

– Многие отходят в течение дня по своим делам, а некоторые к девяти вечера подъедут – на вечернюю переключку.

– А что здесь еще и переключка вечером проводится?

– Да. В день две переключки: в полшестого утра и в девять вечера, если хоть одну пропустите, то вас вычеркнут из списка.

Женщина, внесшая Петра Петровича в списки, была дошлой и подробно все объяснила Петру Петровичу. Поэтому она вроде как и находилась на своем месте, именно такой можно и стоит доверять вести по списку очередь, такая не подведет и за денежку никого вперед не впишет никогда и ни за что. Петру Петровичу не надо было этого объяснять, он видел эту с виду честную женщину насквозь, а посему не стал ей предлагать ни сто, ни двести, ни даже пятьсот рублей, чтобы перескочить с восьмой сотни по очереди в первую половину первой же сотни.

Петр Петрович направился вдоль очереди ко входу в здание. У него в голове всегда что-то нет-нет да и отыскивалось на такие случаи. Не дойдя метров десяти-пятнадцати до двухэтажного здания из красного кирпича, он увидел, что прямо возле входной двери стояла властная, одетая во все черное крупная женщина – ну точно что игуменья. Откуда в мужском монастыре игуменья взялась и что она здесь вообще делает, это до поры до времени оставалось загадкой для

Петра Петровича. Она вела себя здесь властно. С первого взгляда создавалось полное ощущение, что она была командиром призванного на службу к старцу ополчения, или же хозяйкой какой-нибудь там медной горы, или же властительницей очереди, выстроившейся в этот день к двухэтажному зданию.

Она была одета по последней монашеской моде. На голову было водружено непонятно что – то ли колпак, то ли козынка. На туловище была надета то ли кофта, то ли сорочка, а то ли и сюртук, все того же черного цвета. Все, что находилось у нее ниже пояса, прикрывалось черной длинной юбкой, похожей не на юбку, а на черт знает что – извадюканную черную простынь, например. Вместо туфель на ногах были ботинки – опять же черные, наподобие средневековых колодок. Роба же у нее была [да простят меня за подобное сравнение милые моему сердцу читательницы] как у бульдога с носорогом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.